ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

Анна Чер

18+

Анна Чер

После полуночи

«Автор»
2026

Чер А.

После полуночи / А. Чер — «Автор», 2026

Каждую ночь в полночь Поли умирает. Каждое утро в шесть — возвращается к жизни.За семь тысяч лет дочь Прометея научилась исчезать раньше, чем люди замечают, что она не стареет. Менять имена. Не оставлять следов. Не позволять никому стать достаточно близким, чтобы его потерять.В Петербурге она почти поверила, что может быть просто официанткой в маленьком кафе. Пока не получила сообщение: «Ты проснулась».Прошлое нашло её. Посланники Зевса охотятся за первородным огнём, скрытым в её груди, — силой, способной лишить людей права на неповиновение. А Марк Ветров, привыкший открывать любые двери, оказывается единственным человеком, который отказывается уйти, узнав её тайну.Теперь близость делает его мишенью, а любовь может стать ключом к печати, которую Прометей хранил тысячелетиями.Чтобы спасти Марка и не отдать огонь Зевсу, Поли придётся решить, ради чего она возвращается каждое утро.И впервые за вечность — выбрать не просто выживание, а жизнь.

© Чер А., 2026
© Автор, 2026

После полуночи

Глава 1. Шесть часов до жизни

В шесть утра Поли резко вдохнула.

За окном просыпался Петербург: серый, влажный, с дворами-колодцами, в которых даже утро казалось немного сумеречным

Воздух влетел в легкие так жадно и больно, будто кто-то ударил ее в грудь изнутри. Она распахнула глаза, несколько секунд смотрела в серый потолок и слушала.

Тук.

Пауза.

Тук-тук.

Сердце вспомнило, что должно биться.

Иногда возвращение не было вдохом. Иногда — борьбой за вдох.

Поли медленно подняла руку и положила ладонь себе на грудь. Под пальцами дрожала жизнь — упрямая, чужая, навязанная. Она закрыла глаза и досчитала до десяти.

Память была на месте.

Имя — Поли.

Нет. Полинея.

Нет. Поли.

Так безопаснее.

Она села на полу между кроватью и окном. Значит, вчера снова не успела лечь. Смерть застала ее там, где часто заставала в последние недели, — у холодного стекла, с видом на чужие светящиеся окна. Перед полуночью ей почему-то становилось трудно оставаться в постели — хотелось смотреть на город, на редкие окна напротив, на людей, которые засыпали, не боясь, что их сердце остановится ровно в двенадцать.

Поли осторожно пошевелила пальцами. Потом запястьями. Повернула шею. Никаких переломов, никаких следов крови. Только тонкая красная полоса на внутренней стороне ладони — она, видимо, оцарапалась о подоконник, когда падала.

— Неплохо, — хрипло сказала она самой себе. — Бывало хуже.

Голос прозвучал в пустой квартире слишком громко.

Квартира у нее была маленькая и почти безликая: кровать, стол, два стула, шкаф, книжная полка и рюкзак а шкафа. Чемодан Поли называла своим самым честным предметом мебели. В отличие от всего остального, он не притворялся, что она здесь надолго.

Книжный шкаф у дальней стены она никогда не придвигала вплотную. За ним оставался старый закрашенный проем — одна из причин, по которой Поли выбрала именно эту квартиру.

Она поднялась, подошла к кухне и выпила стакан воды, оставленный с вечера. Горло саднило, как после крика, хотя кричать она давно разучилась.

На холодильнике не было магнитов. На стенах — фотографий. На столе — писем, чеков, записок, по которым можно понять человека. Только чашка, чайник и аккуратно сложенное полотенце.

Поли открыла ящик стола.

Внутри лежали документы.

Паспорт на имя Полины Лебедевой. Медицинская страховка. Банковская карта. Договор аренды. Всё было настоящим ровно настолько, насколько это требовалось миру.

Она провела пальцем по фотографии в паспорте.

Двадцать три года.

Всегда двадцать три.

— С днем рождения, когда бы он ни был, — пробормотала она и захлопнула ящик.

В ванной зеркало встретило ее привычной ложью: молодая женщина с темными спутанными волосами, бледной кожей и глазами, которые не подходили лицу. Серо-зеленые, усталые, слишком старые. В такие глаза люди иногда вглядывались дольше, чем следовало.

Поли включила воду и умылась холодной.

— Сегодня ты обычная, — сказала она отражению. — Просто официантка. Просто Поли. Просто человек.

Отражение не поверило.

В дверь постучали.

Поли замерла.

Один короткий стук. Потом второй.

Она бесшумно выключила воду, вышла в коридор и посмотрела в глазок.

На площадке стояла соседка с третьего этажа, Нина Павловна, в халате и с пакетом мусора в руке. Волосы у нее были накручены на бигуди, а лицо выражало одновременно тревогу и любопытство.

Поли приоткрыла дверь на цепочке.

— Доброе утро.

— Ой, Полина, ты дома? — соседка наклонилась ближе. — А я слышала ночью какой-то грохот. У тебя всё хорошо?

Поли почувствовала, как под кожей шевельнулась усталость.

— Книга упала.

— Книга? В полночь?

— Я читаю по ночам.

Нина Павловна прищурилась.

— Молодая ты, а живешь как пенсионерка. Всё одна да одна. Хоть бы парень какой заходил.

— У меня аллергия на парней.

Соседка на секунду растерялась, потом фыркнула:

— Глупости говоришь. На хороших мужчин аллергии не бывает.

— Значит, я просто не встречала хороших.

— Встретишь еще. Тебе сколько? Двадцать два? Двадцать три?

Поли выдержала паузу.

— Почти.

Почти семь тысяч двести, если быть точной.

Нина Павловна вздохнула:

— Вот молодёжь пошла. Все красивые, а радости никакой. Ладно, если что надо — стучи.

— Спасибо.

Поли закрыла дверь и еще секунду держала ладонь на замке.

«Если что надо».

Ей надо было слишком многое.

Нормальная жизнь. Смерть, которая приходит один раз. Утро, после которого не нужно проверять, цело ли тело. Кто-то рядом, кому можно сказать правду и не увидеть ужаса в глазах.

Она усмехнулась.

Слишком большой список для соседки с мусорным пакетом.

На телефоне вспыхнуло сообщение.

Лена, кафе: *Ты сегодня в смене с десяти. Не вздумай заболеть, Марина Андреевна опять поставила новые пирожные, их надо кому-то хвалить.*

Поли набрала ответ:

Я не болею.

Через секунду пришло:

Вот именно это в тебе и пугает.

Поли посмотрела на экран и почти улыбнулась.

Лена была бариста в кафе «Лавр» и считала своим долгом вытаскивать Поли в жизнь всеми доступными способами: сплетнями, кофе, угрозами и булочками с корицей. Иногда у нее почти получалось.

Поли написала:

Буду вовремя.

Ответ пришел мгновенно:

Ты всегда вовремя. Это тоже пугает.

Поли положила телефон экраном вниз.

Она не болела. Не старела. Не опаздывала. Не оставалась.

Вот, пожалуй, всё, что о ней нужно было знать.

Она открыла шкаф. Коричневые брюки. Белая рубашка. Коричневый фартук с названием кафе. Одежда обычного человека. Униформа была удобной маской: в ней никто не спрашивал, кто ты на самом деле. Только что принести — кофе или чай.

Пока утюг нагревался, Поли достала из нижнего ящика маленькую жестяную коробку.

Внутри лежали вещи, которые она не должна была хранить.

Старинное кольцо без камня. Потемневшая монета. Крошечный засушенный цветок, рассыпавшийся бы от одного неосторожного вздоха. И тонкий, почти стертый рисунок женщины с седыми волосами и мягкими глазами. Не фотография — такой роскоши у той эпохи не было. Линии углем давно поблекли, но Поли всё равно помнила лицо матери лучше любого портрета.

Мать.

Поли коснулась края листа.

— Я всё еще здесь, — тихо сказала она.

Ответа, конечно, не было.

Мать умерла так давно, что даже земля над ее могилой успела стать частью другого города, другого царства, другой истории. Но иногда по утрам Поли казалось, что, если заговорить достаточно тихо, мертвые услышат лучше живых.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз номер был неизвестен.

Поли нахмурилась.

Сообщение состояло всего из двух слов:

Ты проснулась.

Она не сразу вдохнула.

Потом быстро открыла информацию об отправителе. Номера не было. Только пустая строка, будто сообщение пришло ниоткуда.

Поли стояла посреди комнаты в наполовину застегнутой рубашке и смотрела на экран.

В квартире стало холоднее.

Она подошла к окну и осторожно отодвинула занавеску.

Утренний город жил своей жизнью. Дворник катил тележку. Женщина в красной куртке выгуливала маленькую собаку. У подъезда курил парень из соседнего дома. Никто не смотрел на ее окна.

И всё же кожа на затылке неприятно стянулась.

Поли удалила сообщение.

Потом выключила телефон.

Потом включила снова — слишком быстро, почти зло. Нельзя паниковать из-за двух слов. Нельзя бежать каждый раз, когда прошлое шевелится в темноте. Она жила долго именно потому, что умела отличать опасность от страха.

Но иногда страх приходил первым.

На часах было 06:42.

До следующей смерти оставалось семнадцать часов восемнадцать минут.

Поли медленно застегнула рубашку, завязала волосы в низкий небрежный пучок и убрала жестяную коробку обратно в ящик.

У двери она задержалась, как всегда.

Проверила замки. Окна. Паспорт в сумке. Наличные в потайном кармане. Нож — маленький, почти бесполезный, но привычный.

Перед выходом взгляд снова упал на телефон.

Экран был темным.

Поли выдохнула, накинула плащ и открыла дверь.

А время до полуночи уже пошло.

Глава 2. Кафе на углу вечности

Кафе «Лавр» находилось недалеко от Невского, в старом доме с высокими окнами и облупленной лепниной. Снаружи оно выглядело так, будто случайно уцелело среди стеклянных офисов и дорогих бутиков: деревянная дверь, широкие окна, теплый свет внутри и нарисованный от руки лист лавра на вывеске. У входа рос кривой старый клен, упрямо выживший среди вывесок, проводов и припаркованных машин.

Поли пришла ровно в девять пятьдесят семь.

Лена, бариста, даже не подняла головы от кофемашины.

— Три минуты до смены. Ты пугающе стабильна.

— Доброе утро и тебе.

— У нормальных людей бывает транспорт, дождь, плохое настроение, внезапное желание уволиться. У тебя ничего.

Поли сняла плащ и повесила его в служебной.

— У меня есть плохое настроение.

— Оно у тебя вместо характера.

Из кухни высунулась Марина Андреевна, хозяйка кафе. Невысокая, с длинными рыжими волосами и взглядом женщины, которая могла одновременно любить людей и увольнять их без сожаления.

— Поли, ты бледная.

— Спасибо.

— Это не комплимент.

— Тогда не спасибо.

Лена прыснула в чашку.

Марина Андреевна нахмурилась, но уголки губ дрогнули.

— Завтраки сегодня идут плохо. Все хотят кофе и смысл жизни. Первое у нас есть, второго нет.

— Смысл жизни обычно плохо продается, — сказала Поли, завязывая фартук.

— Ты бы знала, — протянула Лена. — С твоим видом таинственной вдовы из викторианского романа.

Поли привычно улыбнулась. Такой улыбкой, которая ничего не обещала.

— Я никогда не была вдовой.

Технически это было правдой.

Она просто пережила всех, кого когда-либо могла бы назвать мужем.

В зале пахло корицей, свежим хлебом и кофе. Это был один из тех запахов, за которые Поли неосмотрительно привязалась к месту. Люди думали, что вечность делает память величественной: войны, дворцы, погибшие царства. На самом деле память чаще всего держалась за

мелочи — за скрип деревянного пола, за трещину на чашке, за голос девушки, которая каждое утро жаловалась на недосып.

— Ты сегодня после смены с нами? — спросила Лена, протирая стойку. — Мы с девочками идем в бар. Никаких свиданий, просто выпить и обсудить, почему мужчины — ошибка эволюции.

— Не могу.

— Ты даже не спросила когда.

— Я заранее не могу.

Лена прищурилась.

— Поли, ты понимаешь, что это ненормально? Ты работаешь с нами почти год, и я не знаю о тебе ничего. Где ты выросла?

— Далеко.

— Родители?

Поли взяла блокнот с заказами.

— Еще дальше.

Лена смягчилась.

— Прости. Я не хотела…

— Всё нормально.

— Нет, не нормально. Ты так говоришь, будто дверь закрываешь.

Поли посмотрела на нее и на секунду почувствовала почти вину. Лена была хорошей. Слишком живой, слишком теплой, слишком склонной верить, что любого человека можно спасти разговорами на кухне.

— Иногда закрытые двери — это просто техника безопасности, — сказала Поли.

— От кого?

Поли хотела ответить: от богов, от смерти, от себя, от всех, кто однажды начнет стареть, пока я останусь прежней.

Вместо этого она сказала:

— От назойливых бариста.

— Хамка.

— Но стабильная.

К одиннадцати кафе наполнилось. За дальним столиком две студентки спорили о сессии. У окна пожилой мужчина пил чай с лимоном и читал газету — настоящую, бумажную, за что Поли питала к нему тихую симпатию. Молодая мать укачивала ребенка, одной рукой пытаясь есть круассан.

Обычная жизнь. Шумная, хрупкая, короткая.

Поли двигалась между столиками легко, почти бесшумно.

— Вам как обычно, Антон Сергеевич?

Пожилой мужчина поднял глаза.

— Вы помните?

— Черный чай, два ломтика лимона, без сахара. И сырники без сметаны.

— Удивительная девушка. У меня жена так не запоминала.

— Возможно, она просто делала вид, что забывает.

Он рассмеялся.

Поли улыбнулась в ответ и ушла к стойке.

Запоминать людей было опасно. Но не запоминать — жестоко. Она давно поняла: если уж не можешь остаться в чьей-то жизни, будь хотя бы внимательна, пока проходишь мимо.

В двенадцать двадцать дверь открылась, и в кафе вошел холодный воздух вместе с мужским смехом.

Лена едва заметно выпрямилась.

— О, — прошептала она. — День стал дороже.

Поли даже не сразу обернулась.

Вошли четверо молодых мужчин. Хорошие пальто, дорогая обувь, часы, которые стоили больше, чем месячная выручка «Лавра». Они заняли пространство так, как привыкли занимать всё: громко, свободно, не спрашивая разрешения.

Трое смеялись.

Четвертый — нет.

Он вошел последним, убирая телефон в карман. Высокий, темноволосый, с красивым лицом и ленивой уверенностью человека, которому не нужно доказывать свою важность. Эта важность будто шла впереди него — невидимой охраной, открывающей двери до того, как он успевал к ним подойти.

— Это Марк Ветров, — прошептала Лена.

— Кто?

— Ты серьезно? Ветровы. Строительство, банки, отели, скандалы, благотворительные фонды для красивых фотографий. Его отец — почти король города.

— Короли обычно плохо кончают, — сказала Поли.

Лена покосилась на нее.

— Иногда ты говоришь так, будто лично проверяла.

Поли взяла меню.

— Столик на четверых?

Молодые люди уже устроились у окна. Один из них разглядывал зал с веселым превосходством, другой что-то писал в телефоне. Марк поднял глаза как раз в тот момент, когда Поли подошла.

И замер.

Не явно. Не грубо. Просто его взгляд задержался на ней на долю секунды дольше, чем у обычного посетителя.

Поли знала такие взгляды.

В них сначала появлялся интерес. Потом желание. Потом уверенность, что интерес и желание дают право.

— Добрый день, — сказала она ровно. — Меню. Завтраки закончились, но кухня принимает основные заказы.

Светловолосый друг Марка улыбнулся:

— А что вы посоветуете?

— Если вы голодны — пасту с уткой. Если хотите произвести впечатление — стейк. Если хотите потом пожалеть — десерт с соленой карамелью.

— А если я хочу всё сразу?

— Тогда вам нужен не официант, а врач.

За столиком засмеялись.

Марк не смеялся. Он смотрел на Поли с открытым любопытством.

— А вы всегда так разговариваете с гостями?

— Только с теми, кто спрашивает.

— Как вас зовут?

— Поли.

— Просто Поли?

Она выдержала паузу.

— Для заказа достаточно.

Один из друзей тихо присвистнул:

— Марк, кажется, тебя только что поставили на место.

Марк наконец улыбнулся. Медленно, красиво, почти опасно.

— Редкое ощущение.

Поли записала заказы, хотя могла бы запомнить их с первого раза.

— Напитки?

— Кофе, — сказал Марк. — Черный.

— Без сахара?

— Вы угадали.

— Нет. Вы слишком стараетесь выглядеть человеком, который пьет кофе без сахара.

Друзья снова рассмеялись громче.

Марк откинулся на спинку стула и посмотрел на нее так, будто впервые за долгое время встретил не человека, а препятствие.

— А вы наблюдательны, Поли.

— Профессиональная деформация.

Она ушла к стойке, чувствуя его взгляд между лопаток.

Лена уже сияла.

— Он на тебя запал.

— Он меня не знает.

— Мужчинам это редко мешает.

Поли поставила чашки на поднос.

— Тем более богатым.

— Ого. Личный опыт?

Поли посмотрела на нее.

Перед глазами на мгновение вспыхнули пиры при дворах, золотые кубки, руки царей, обещавших ей города, корабли, власть. Все они истлели. Даже их имена теперь писали с ошибками.

— Исторический, — сказала она.

Лена фыркнула, решив, что это шутка.

Поли понесла кофе к столику.

Когда она ставила чашку перед Марком, он тихо сказал:

— Вы единственная здесь, кто даже не попытался узнать, кто я.

Поли взглянула на него.

— Мне принести вам за это медаль или счет?

Улыбка Марка стала шире, но в глазах мелькнуло что-то новое. Не раздражение. Не обида.

Заинтересованность.

Настоящая.

— Счет потом, — сказал он. — Медаль можно сейчас.

Поли уже собиралась ответить, когда колокольчик над дверью звякнул снова.

Она обернулась.

На пороге стоял мужчина в сером пальто.

Серые глаза. Бледное лицо. Тонкое серебряное кольцо на руке.

Марк что-то говорил ей, но слова вдруг стали далекими.

Мужчина у двери посмотрел прямо на Поли — и едва заметно коснулся пальцем кольца.

Под серебром блеснула молния.

Поли сжала поднос так сильно, что костяшки пальцев побелели.

До полуночи оставалось одиннадцать часов сорок минут.

Глава 3. Марк Ветров получает отказ

Поли не сразу поняла, что перестала дышать.

Мужчина в сером пальто стоял у входа всего несколько секунд. Достаточно, чтобы заметить ее. Достаточно, чтобы показать кольцо. Достаточно, чтобы напомнить: она не исчезла, не спряталась, не спаслась.

Потом он шагнул обратно за дверь.

Колокольчик звякнул повторно, и в кафе снова вошел дневной шум: голоса, звон чашек, шипение кофемашины.

— Поли? — голос Марка прозвучал ближе, чем она ожидала. — Вы сейчас разобьете поднос.

Она опустила взгляд.

Пальцы так крепко сжимали край металлического подноса, что ногти побелели.

Поли медленно расслабила руку.

— Спасибо за беспокойство. Ваш кофе не пострадал.

— Я не о кофе.

— Тогда не стоит начинать. Это кафе, здесь всё обычно заканчивается кофе.

Один из друзей Марка усмехнулся:

— Марк, кажется, она делает вид, что ты ей неинтересен.

— Нет, — спокойно сказала Поли, ставя последнюю чашку на стол. — Я не делаю вид.

За столиком повисла короткая тишина.

Марк поднял брови.

Ему явно не часто отвечали так прямо. Особенно женщины. Особенно те, которые работали в местах, где он мог за один обед оставить сумму, равную их недельной зарплате.

Поли это видела.

И знала этот тип мужчин слишком хорошо.

Не злой. Не глупый. Просто избалованный собственной привлекательностью и чужой уступчивостью. Такие не приказывали сразу. Сначала они улыбались. Потом удивлялись, если улыбки оказывалось недостаточно.

— Интересно, — сказал Марк.

— Ваш заказ будет готов через десять минут.

— Нет, я не о заказе.

— А я о нем. Мы ведь в кафе.

Его друг, светловолосый парень с дорогими часами, наклонился к нему:

— Ветров, я бы на твоем месте сдался. Тут бетонная стена.

Марк не сводил с Поли глаз.

— Я не люблю сдаваться.

— Это заметно, — сказала она. — Наверное, тяжелое детство.

За столиком снова рассмеялись. Но на этот раз Марк не улыбнулся сразу. Он изучал ее лицо, будто пытался найти трещину в равнодушии.

Поли позволила ему смотреть.

Люди часто принимали холодность за игру. За кокетство. За вызов. Им трудно было поверить, что женщина может просто не хотеть их внимания.

— Поли, — позвала от стойки Лена, — кухня просит уточнить: одному стейк средней прожарки или «как получится, но дорого»?

— Средней, — ответил Марк, не глядя на Лену. — И передайте кухне, что я верю в нее.

— Кухня как-нибудь переживет ваше доверие. — сказала Поли и ушла.

У стойки Лена едва сдерживала улыбку.

— Ты понимаешь, что только что публично ранила городского принца?

— Принцы выздоравливают быстрее, если перестают думать, что корона выросла у них из головы.

— Какая ты сегодня кровожадная.

Поли машинально посмотрела на дверь.

За стеклом мелькали прохожие. Серого пальто не было.

Но это ничего не значило.

— Просто день неудачный, — сказала она.

— У тебя все дни немного неудачные.

— Профессиональная тайна.

— Нет у официанток профессиональных тайн.

Поли взяла тарелки с готовыми блюдами.

— У этой есть.

Когда она вернулась к столику Марка, тот уже выглядел иначе. Не веселым наследником среди друзей, а человеком, который решил задачу и теперь проверяет гипотезу.

— Вы всегда такая?

Поли поставила перед ним тарелку.

— Какая?

— Невпечатленная.

— Это слово?

— Теперь да.

— Тогда да. Всегда.

Он слегка подался вперед.

— Даже если перед вами человек, который может купить это кафе? Сказав это, он почти сразу понял, как прозвучало. Но было поздно.

Поли посмотрела на него без улыбки.

— Особенно если передо мной человек, который считает это аргументом.

Светловолосый друг тихо присвистнул:

— Больно.

Марк медленно откинулся назад.

На его лице впервые появилось что-то похожее на раздражение. Не злость — скорее удивление от того, что мир внезапно отказался работать по инструкции.

— Я не это имел в виду.

— Но сказали именно это.

— Вы цепляетесь к словам.

— Я зарабатываю тем, что слушаю людей. Со временем начинаешь слышать больше, чем они хотели сказать.

Он несколько секунд молчал.

Потом вдруг усмехнулся.

— Ладно. Попробуем иначе. Когда у вас заканчивается смена?

— Поздно.

— Я могу подождать.

— Зачем?

— Чтобы пригласить вас на ужин.

— Я работаю в месте, где весь день подают еду. Ужин не производит на меня мистического впечатления.

— Тогда на прогулку.

— Я не гуляю с клиентами.

— А если я перестану быть клиентом?

— Тогда вы станете человеком, который мешает мне работать.

Один из друзей Марка рассмеялся так громко, что Марина Андреевна недовольно выглянула из-за кассы.

Марк посмотрел на него.

— Даня, еще звук — и ты пойдешь есть в машину.

— Молчу, молчу. Просто это исторический момент. Марку Ветрову сказали «нет», и небо не рухнуло.

Поли едва заметно напряглась при слове «небо».

Марк заметил.

— Вы боитесь грозы?

— Нет.

— Тогда чего?

Она встретила его взгляд.

— Людей, которые задают слишком много вопросов.

— Разумно.

— Попробуйте.

На этот раз он улыбнулся тише. Без прежней наглости, но с еще большим интересом. Это было хуже.

Иногда отказ отпугивал.

Иногда превращал женщину в добычу.

Они доели не спеша. Вернее, друзья Марка ели, смеялись, обсуждали какую-то вечеринку, а сам Марк все чаще молчал и следил взглядом за Поли. Не похотливо. Не грубо. Внимательно.

Это раздражало сильнее.

Когда она принесла счет, он даже не посмотрел на сумму. Просто вложил в кожаную папку банковскую карту, а сверху — крупную купюру.

Поли закрыла папку, унесла к кассе, провела оплату и вернулась. Положила перед ним карту, чек и рядом несколько купюр поменьше.

Ровно столько, сколько считалось нормальными чаевыми.

Марк посмотрел на деньги. Потом на нее.

— Вы серьезно?

— Абсолютно.

— Это были чаевые.

— Нет. Это была попытка купить реакцию.

Даня прикрыл рот ладонью, но глаза у него смеялись.

Марк не посмотрел на друга.

— И какую реакцию я хотел купить?

— Благодарность. Удивление. Может быть, номер телефона. В крайнем случае — ощущение, что вы великодушны.

— А если мне просто понравилось обслуживание?

— Тогда сумма была бы другой.

Марк взял купюры, покрутил в пальцах и вдруг спросил:

— Вам правда всё равно, кто я?

Поли ответила не сразу.

За его плечом, в окне, отражался зал кафе: теплый свет, люди за столиками, Лена у кофемашины. И на самой границе отражения — улица.

Там, под кленом, стоял человек в сером пальто.

Слишком далеко, чтобы обычный посетитель заметил. Достаточно близко, чтобы Поли поняла: он ждет.

Она снова посмотрела на Марка.

Красивый. Живой. Глупо уверенный в том, что все двери в мире открываются, если правильно улыбнуться.

Ему не место было рядом с ее бедой.

— Мне не всё равно, — сказала она наконец.

Марк чуть заметно выпрямился.

Поли добавила:

— Просто это ничего не меняет.

Она взяла папку со счетом и уже собиралась уйти, когда Марк тихо произнес:

— Я вернусь.

Поли остановилась, но не обернулась.

— Люди часто так говорят.

— А вы часто им не верите?

Она повернула голову.

— Я часто оказываюсь права.

На его лице снова появилась улыбка. Но теперь в ней было меньше игры и больше упрямства.

— Посмотрим, Поли.

Она ушла к стойке, чувствуя, как под ребрами неровно бьется сердце.

Лена наклонилась к ней:

— Ну? Он оставил номер?

— Нет.

— Жаль.

Поли посмотрела в окно.

Под кленом уже никого не было.

На стекле остался только след дождевой капли, похожий на тонкую трещину.

— Нет, — сказала она тихо. — Не жаль.

Но почему-то впервые за много лет отказ не принес облегчения.

Глава 4. Девочка Прометея

Поли стояла у стойки и смотрела в окно дольше, чем было нужно.

Под кленом уже никого не было. Только мокрый тротуар, бледные фары и отражение вывески «Лавр» в темной луже. Но она всё еще видела там мужчину в сером пальто. Видела его руку. Серебряное кольцо. Тонкую молнию, вспыхнувшую на металле.

Молния.

Знак Зевса.

Знак, с которого всё началось.

— Поли? — Лена щелкнула пальцами перед ее лицом. — Эй. Ты здесь?

Поли моргнула.

— Где же еще?

— Вот я и пытаюсь понять. Телом вроде здесь, а глазами — где-то в древнем склепе.

— Очень романтично.

— Это не комплимент. Ты сегодня странная.

Поли взяла чашку со стойки и поставила ее на блюдце.

— Ты говоришь это каждый день.

— Потому что каждый день это правда. Но сегодня ты странная особенно. Тот мужчина в сером… ты его знаешь?

Поли хотела сказать «нет».

Простое слово. Удобное. Безопасное.

Но оно застряло в горле.

— Не лично, — сказала она наконец.

Лена нахмурилась.

— Это как?

— Это значит, что лучше тебе не спрашивать.

— У тебя все ответы как таблички «проход закрыт».

Поли почти улыбнулась.

— Иногда закрытый проход спасает жизнь.

— Чью?

Поли посмотрела на нее.

— Твою.

Лена замолчала.

Впервые за день на ее лице не было ни насмешки, ни любопытства. Только тревога.

— Поли…

Но договорить она не успела. Марина Андреевна крикнула из кухни:

— Лена! Кофе на седьмой столик сам себя не приготовит!

— Иду! — отозвалась Лена, но перед уходом тихо сказала: — Мы потом поговорим.

— Нет, — так же тихо ответила Поли. — Не поговорим.

Лена ушла, а Поли осталась у стойки.

Она вытерла мокрое пятно на поверхности. Потом еще одно. Потом поняла, что уже почти минуту трет одно и то же сухое место.

На стекле витрины, среди отражений ламп, проступила линия.

Тонкая.

Ломаная.

Белая.

Поли замерла.

Линия дрогнула, словно ее вывели невидимым пальцем. Потом рядом появилась вторая. Они пересеклись под острым углом.

Молния.

Сердце ударило так сильно, что потемнело в глазах.

— Нет, — прошептала она. — Не сейчас.

Но память уже раскрылась.

Молния всегда возвращала ее туда.

Не потому, что она боялась грома. Не потому, что ненавидела Зевса.

А потому, что первая молния была не вспышкой в небе.

Она была приговором.

***

Тогда ее звали Полинея.

Не Поли.

Не Полина Лебедева.

Полинея.

Мать произносила это имя мягко, будто гладила ладонью по воде.

— Полинея, не стой у двери. Небо злое сегодня.

Ей было двенадцать. Или тринадцать — в те времена годы считали не так строго. Она помнила жар очага, запах козьего молока, пыль под босыми ступнями и материнские руки, сильные, теплые, пахнущие травами.

Мать звали Мирина.

Она была смертной. Обычной женщиной. Не царицей, не жрицей, не героиней из песен. Но Прометей любил ее так, будто во всем мире только она умела смотреть на него без страха.

В ту ночь дверь распахнулась сама.

Снаружи сверкнула молния, и дом стал белым.

Полинея вскочила.

— Мама?

Мирина стояла посреди комнаты с ножом в руке.

Нож был маленький. Смешной. Бесполезный против того, что ждало снаружи.

— За мной, — сказала мать. — И молчи.

— Что происходит?

Ответил не материнский голос.

— Они нашли след.

Прометей вошел в дом, и вместе с ним вошел запах дыма, камня и грозы.

Полинея бросилась к нему, но остановилась. Отец выглядел не как бог и не как титан из преданий. Он выглядел усталым. Почти сломленным. И оттого страшным.

— Отец?

Он посмотрел на нее так, будто прощался.

Мирина побледнела.

— Нет.

Одно слово. Но Полинея услышала в нем всё: мольбу, гнев, ужас.

— У нас нет времени, — сказал Прометей.

— Ты обещал, что они ее не тронут.

— Я обещал, что не отдам ее.

— Это не одно и то же!

Снаружи ударил гром.

Дом вздрогнул. На полу вспыхнул белый знак — ломаная линия, тонкая и жестокая.

Молния.

Прометей опустился перед Полинеей на одно колено и взял ее руки.

— Послушай меня.

— Я не маленькая.

— Сегодня это не спасет.

— От кого?

Он помолчал.

— От Олимпа.

Полинея посмотрела на мать.

Мирина не отрицала.

И тогда девочка впервые поняла: мифы могут входить в дом без стука.

— Зевс хочет меня убить? — спросила она.

Прометей сжал ее пальцы.

— Убить было бы милосерднее.

Мирина резко отвернулась, будто эти слова ударили ее по лицу.

— Они захотят сделать из тебя урок, — продолжил он. — Дочь титана и смертной. Ошибка, которую нужно наказать. Цепь, которой можно ранить меня.

— А ты? — голос Полинеи дрогнул. — Что сделаешь ты?

Прометей посмотрел ей прямо в глаза.

— Спрячу тебя.

— Где?

Он положил ладонь ей на грудь.

— В смерти.

Мирина всхлипнула.

— Не смей называть это спасением.

— Если я ничего не сделаю, они заберут ее до рассвета.

— А если сделаешь?

Прометей не ответил сразу.

Полинея запомнила это молчание лучше любых слов.

— Она будет жить, — сказал он наконец.

— Как? — спросила Мирина.

— Я наложу печать. От середины ночи до первого дыхания утра ее сердце будет останавливаться. Каждый день.

Полинея отступила.

— Каждый?

— Да.

— Я буду умирать?

— Да.

— И возвращаться?

— Если печать удержит тебя до утра.

Мирина схватила его за руку.

— Она ребенок.

— Она моя дочь.

— Она моя дочь тоже! Смертная! Живая!

Прометей закрыл глаза.

— Именно поэтому они имеют над ней власть.

За дверью раздался голос. Красивый, холодный, нечеловечески спокойный:

— Прометей.

Мирина прижала Полинею к себе.

— Не делай с ней этого.

Прометей подошел ближе.

— Это не дар, Полинея. Не верь, если однажды я назову это даром. Это печать. Внутри нее будет искра первородного огня. Пока она скрыта смертью, Зевс не сможет забрать тебя полностью.

— Будет больно? — спросила она.

Отец не солгал.

— Да.

Она хотела сказать «нет».

Хотела спрятаться за матерью, закрыть уши, проснуться утром обычной девочкой. Но за дверью уже стояло небо, и небо ждало ее ответа.

— Делай, — прошептала Полинея.

Мирина вскрикнула:

— Нет!

Прометей коснулся губами лба дочери.

— Прости меня.

Его рука дрогнула. Полинея впервые увидела, что отец боится. Не Зевса. Не Олимпа. Того, что сейчас сделает сам.

Потом его ладонь стала огнем.

Полинея закричала.

Огонь вошел под кожу, под ребра, в сердце. Не пламя очага — что-то древнее, дикое, живое. На груди вспыхнул маленький знак, похожий не на молнию, а на искру.

Снаружи гром рассмеялся.

В полночь ее сердце остановилось.

***

Она вернулась с первым рассветом.

Вдох был больнее смерти.

Полинея выгнулась на циновке, хватая воздух ртом. Над ней склонилась мать. Лицо Мирины было мокрым от слез и таким старым, будто ночь забрала у нее годы.

— Ты была мертва, — прошептала она. — Я держала тебя. До утра, Полинея. Все долгие часы.

— Отец? — хрипло спросила девочка.

Мирина не ответила.

Этого хватило.

Полинея повернула голову. У порога, на обожженной земле, белела тонкая ломаная линия.

Молния.

Знак тех, кто вынес приговор.

Мирина взяла лицо дочери в ладони.

— Слушай меня. Ты не их ошибка. Не его оружие. Не наказание. Ты моя дочь. Слышишь?

Полинея кивнула, хотя почти не понимала слов.

Мать прижала ее к себе.

— Тогда живи. Как сможешь. Назло им всем.

***

— Поли!

Она резко вдохнула и едва не ударилась бедром о стойку.

Кафе вернулось сразу: кофе, теплый свет, голоса посетителей, Петербург за мокрыми окнами.

Лена стояла напротив, держа стакан воды.

— Ты меня пугаешь.

Поли взяла стакан. Пальцы были холодными.

— Прости.

— Что случилось?

Поли посмотрела на витрину.

Молнии на стекле уже не было.

Только дождевые разводы.

— Вспомнила кое-что.

— Что?

Поли сделала глоток воды.

— Почему не люблю грозу.

Лена хотела спросить еще, но входная дверь звякнула.

Обе обернулись.

На пороге никого не было.

Только на ближайшем столике, где несколько минут назад сидел Марк Ветров, лежала белая салфетка.

Поли подошла к ней медленно.

На салфетке было написано одно слово.

Не «Поли».

Не «Полина».

Полинея.

Глава 5. Полночь

Поли смотрела на салфетку так долго, что буквы начали расплываться.

Полинея.

Чернила чуть растеклись от влажного воздуха, но имя всё равно было читаемым. Ее настоящее имя. Старое. Мертвое. То, которое не звучало в этом мире уже так давно, что даже сама Поли иногда боялась произнести его вслух.

Лена подошла ближе.

— Что там?

Поли резко сложила салфетку пополам.

— Ничего.

— Поли.

— Я сказала — ничего.

Лена остановилась. Не из-за слов. Из-за голоса.

Поли редко повышала тон. Она могла быть колкой, холодной, отстраненной, но почти никогда — резкой. Сейчас же в ее голосе было что-то такое, от чего Лена сразу убрала руку.

— Прости, — тихо сказала она. — Я просто…

— Не надо.

Марина Андреевна выглянула из кухни:

— Что у вас там опять? Посетители уже делают вид, что не слушают, а слушают все.

Поли сунула салфетку в карман фартука и заставила себя улыбнуться.

— Всё нормально. Я просто плохо себя почувствовала.

Лена нахмурилась:

— Ты же не болеешь.

— Сегодня, видимо, решила попробовать.

— Поли…

— Мне нужно уйти пораньше.

Марина Андреевна вышла в зал, вытирая руки полотенцем.

— Насколько пораньше?

Поли посмотрела на часы.

До полуночи оставалось пять часов двадцать семь минут.

— Сейчас.

Марина Андреевна хотела возмутиться, но внимательно посмотрела ей в лицо и передумала.

— Ты белая как стена. Лена, вызови ей такси.

— Не надо.

— Надо, — одновременно сказали Лена и Марина Андреевна.

Поли сжала руку в кулак.

В глубине ладони вспыхнул другой огонь — не желтый, не живой, а золотой и древний. Такси значило водитель. Камеры. Маршрут. Запись. Лишний след.

— Я дойду сама.

— В дождь? — Лена посмотрела в окно. — Ты серьезно?

— Мне нужен воздух.

Марина Андреевна вздохнула:

— Упрямая. Ладно. Но завтра либо приходишь нормальной, либо звонишь заранее. И если упадешь где-нибудь в обморок, я лично тебя уволю за безответственность.

— Хорошая мотивация не падать.

Лена попыталась улыбнуться, но не смогла.

— Напиши, когда доберешься.

Поли кивнула.

Сама она писать не собиралась.

Если они нашли ее имя, они могли найти и адрес.

На улице Петербург был мокрым, темным и слишком живым. Машины шли по Невскому плотным потоком, фары расползались по асфальту длинными золотыми полосами. Возле кафе кто-то смеялся под зонтом. У входа курьер ругался с навигатором. У старого клена ветер срывал последние листья.

Обычный вечер.

Поли почти ненавидела его за это.

Она шла быстро, но не бежала. Бежать — значит признать страх. А страх, если дать ему имя, становился сильнее.

У поворота к арке она остановилась у витрины закрытой булочной и посмотрела в отражение.

Позади — женщина с собакой.

Парень в наушниках.

Пожилой мужчина с пакетом.

Никого в сером пальто.

Поли свернула во двор-колодец, потом в другой, вышла к узкой улице и только тогда позволила себе вынуть салфетку.

Имя никуда не исчезло.

Полинея.

Под ним теперь проступила вторая строка. Раньше ее не было.

Чернила медленно темнели на бумаге, будто кто-то писал прямо сейчас.

Полночь вспомнит тебя.

Поли остановилась.

Где-то рядом хлопнула дверь подъезда, и она вздрогнула так резко, что сама разозлилась.

— Нет, — прошептала она. — Она и так помнит.

Дом встретил ее запахом сырости, старой штукатурки и чужих ужинов. На лестнице Нина Павловна выносила мусор.

— Полина? Ты чего так рано?

— Голова разболелась.

— Давление, наверное. Погода такая. Магнитные бури.

Поли почти усмехнулась.

— Возможно.

— Чай с лимоном выпей. И мужчину тебе надо. Я серьезно. Женщины одни всегда мерзнут.

Поли поднялась на следующую ступеньку.

— Я не мерзну.

Это была ложь.

Она мерзла уже семь тысяч лет.

В квартире она закрыла дверь на все замки. Потом еще раз проверила. И еще раз.

Почти два часа она не включала свет. Сидела у стены в прихожей, слушала подъезд, шаги соседей, лифт, трубы, собственное дыхание. Только когда город за окном окончательно потемнел, Поли заставила себя подняться.

В 21:03 она начала раскладывать ловушки.

Не настоящие — человеческие. Простые. Незаметные.

Волосок с головы — на дверной косяк.

Тонкая полоска бумаги — между рамой и окном.

Стакан воды — у ножки стула, под таким углом, что его нельзя было задеть случайно и не сдвинуть.

На столе она положила монету. Старую, темную, настоящую. Если утром она будет повернута другой стороной, значит, кто-то входил.

Поли делала это много веков.

Менялись дома, замки, города, материалы стен. Не менялось главное: между полуночью и шестью утра она не могла защитить себя.

И всё же ее никто никогда не забирал в эти часы.

Прометей спрятал ее хорошо.

Или враги ждали чего-то другого.

Эта мысль была хуже.

В 22:40 телефон завибрировал.

Лена: *Ты дошла?*

Поли смотрела на сообщение почти минуту.

Потом написала:

Да. Всё хорошо.

Ложь ушла в сеть легко, как будто была правдой.

Следом пришло:

Ты меня пугаешь. Завтра поговорим.

Поли тихо сказала:

— Если будет завтра.

Она положила телефон в ящик, достала салфетку и поднесла к пламени зажигалки.

Бумага не загорелась.

Поли нахмурилась.

Огонь лизнул край, но не взял. Чернила блеснули серебром.

— Конечно, — выдохнула она. — Театрально, как всегда.

Она сжала салфетку в кулаке. Внутри ладони вспыхнул другой огонь — не от зажигалки. Золотой, глухой, болезненный.

На этот раз бумага почернела.

Но имя осталось.

Белое на черном.

Полинея.

Поли не стала пытаться второй раз. Завернула обугленный клочок в чистую салфетку, положила в жестяную коробку и задвинула ее в самый дальний угол ящика.

В 23:31 Поли выпила стакан воды. Медленно, маленькими глотками. Горло пересохло заранее, будто тело уже знало, что скоро умрет.

Она села на край кровати.

Не у окна.

Сегодня она не хотела смотреть на город.

Хотела не бояться.

Не получилось.

В 23:52 в квартире стало тихо. Слишком тихо для Петербурга. За окном будто приглушили машины, ветер, дождь, соседей. Даже часы на стене начали тикать осторожнее.

Поли положила ладонь на грудь.

— Дыши, — приказала она себе.

Сердце билось быстро.

Слишком быстро.

В 23:58 на стекле окна появилась тонкая светлая линия.

Поли не встала. Не подошла. Не дала им этого удовольствия.

Линия сломалась пополам.

Молния.

В 23:59 воздух стал тяжелым.

Кожа похолодела. Пальцы онемели. Комната медленно поплыла, будто вода поднялась от пола к потолку.

Поли закрыла глаза.

— Я пережила вас раньше, — прошептала она. — Переживу снова.

Полночь наступила без звука.

Сердце ударило один раз.

Второй.

Третий — уже слабее.

Потом остановилось.

Боль была мгновенной, белой, ослепительной. Тело выгнулось, пальцы вцепились в покрывало. Воздух застрял в горле. Мир стал узким, острым, невозможным.

И в тот миг, когда тьма уже забирала ее, Поли услышала не голос.

Сначала — смех.

Низкий, спокойный, почти ласковый.

А потом одно слово, произнесенное так, как его не произносили уже тысячи лет:

— Полинея.

Тьма сомкнулась.

Но впервые за семь тысяч лет тьма не была пустой. В ней кто-то ждал ее.

Глава 6. Игрушка, которая не ломается

В шесть утра Поли вдохнула.

Не резко, как обычно.

Сначала ей показалось, что вдох принадлежит не ей. Будто кто-то другой лежит в ее теле, открывает ее рот, заставляет легкие расправиться и возвращает сердце к работе.

Тук.

Пауза.

Тук.

Поли распахнула глаза.

Потолок. Серая трещина у люстры. Тень шкафа. Петербургское утро за шторами — тусклое, водянистое, почти бесцветное.

Она была дома.

На кровати.

Живая.

Поли медленно подняла руку к горлу, потом к груди. Сердце билось неровно, с перебоями, будто сопротивлялось пробуждению.

— Раз, два, три… — прошептала она.

Голос был хриплым.

Память вернулась не сразу.

Сначала кафе. Салфетка. Имя.

Потом квартира. Окно. Молния на стекле.

Потом полночь.

Смех.

И голос:

Полинея.

Поли резко села. Комната качнулась, перед глазами поплыли темные пятна. Она переждала, сжимая край покрывала, пока мир не встал на место.

— Спокойно, — сказала она себе. — Ты проснулась. Значит, всё еще работает.

Но впервые за много лет это не звучало убедительно.

Она встала босыми ногами на холодный пол и начала проверку.

Дверь.

Волосок на косяке был на месте.

Замки — закрыты.

Монета на столе лежала той же стороной вверх.

Стакан у ножки стула не сдвинулся.

Поли почти выдохнула.

Жестяная коробка в ящике была закрыта. Но Поли все равно не решилась открыть ее сразу.

Потом подошла к окну.

Петербург просыпался за стеклом: во дворе-колодце дворник лениво толкал мокрые листья к решетке водостока, женщина в красной куртке тащила за собой упрямую таксу, где-то наверху кто-то открыл окно и кашлянул.

Обычное утро.

Сзади завибрировал телефон.

Поли вздрогнула сильнее, чем хотела бы.

На экране было сообщение от Лены:

Ты жива?

Поли смотрела на эти два слова слишком долго.

Потом набрала:

Да.

Через секунду пришло:

Отлично. Тогда приходи и выгляди живой убедительнее, чем вчера.

Поли почти улыбнулась.

Почти.

Ответить она не успела. Следом пришло еще одно сообщение.

Не от Лены.

От неизвестного номера.

Игрушка, которая не ломается, всё равно остается игрушкой.

Поли не моргнула.

Стерла сообщение.

Выключила телефон.

Включила снова.

Глупо. Бесполезно. Человеческая реакция на нечеловеческую угрозу.

К десяти она была в «Лавре».

Лена встретила ее у кофемашины пристальным взглядом.

— Ты выглядишь ужасно.

— Доброе утро.

— Нет, серьезно. Не романтично-устало, как обычно. А прямо «я разговаривала с призраками о том, как бытие определяет сознание»

— Призраки редко умеют поддерживать диалог.

Лена прищурилась.

— Вот. Именно. Нормальные люди так не отвечают.

Марина Андреевна появилась из кухни с подносом пирожных.

— Поли, если тебе плохо, иди домой.

— Мне лучше.

— Ты вчера сказала то же самое перед тем, как исчезнуть посреди смены.

— Сегодня я исчезну после смены.

— Очень смешно.

— Я старалась.

Лена поставила перед ней чашку кофе.

— Пей.

— Я не заказывала.

— Это не сервис. Это принуждение.

Поли взяла чашку обеими руками. Тепло почти не ощущалось.

— Спасибо.

Лена немного смягчилась.

— Что было на салфетке?

Поли подняла глаза.

— Ничего, что тебе нужно знать.

— А если я хочу?

— Перехочешь.

— Ты иногда такая…

— Какая?

— Будто стоишь за стеклом. Мы все тут: смеемся, злимся, влюбляемся, тупим. А ты смотришь, как на выставку.

Поли медленно поставила чашку.

— Лена…

— Нет, я не ругаюсь. Просто… — Лена вздохнула. — Иногда кажется, что ты заранее с нами прощаешься.

Поли не нашлась, что ответить.

Потому что это было правдой.

Колокольчик над дверью звякнул.

Поли обернулась автоматически — и пожалела об этом.

Марк Ветров вошел один.

Без друзей, без шумной свиты, без громкого смеха. В темном пальто, с телефоном в руке и тем самым выражением лица, с каким люди приходят не пить кофе, а продолжать разговор, который им не позволили закончить.

Лена тихо сказала:

— О. Принц вернулся без коня.

— Замолчи.

— Уже молчу. Но внутренне кричу.

Марк подошел к стойке.

— Доброе утро.

Поли взяла блокнот.

— Столик на одного?

— Если вы присоединитесь — на двоих.

— Значит, на одного.

Лена кашлянула, пряча улыбку.

Марк посмотрел на нее.

— Мне черный кофе.

— Без сахара, — сказала Поли.

— Вы запомнили.

— У меня хорошая память. Не обольщайтесь.

— Поздно.

Поли повернулась к кофемашине, но Лена уже взяла заказ на себя и выразительно подтолкнула ее локтем.

— Иди. Обслужи гостя.

— Я тебя уволить не могу, но очень хочу.

— Зато я могу испортить ему кофе.

Марк сел за столик у окна. Тот самый. Поли принесла меню, хотя знала, что он его не откроет.

— Вы вернулись, — сказала она.

— Я предупреждал.

— Люди часто предупреждают о глупостях.

— А вы всегда так рады посетителям?

— Только настойчивым.

Он посмотрел на нее внимательнее.

— Вы сегодня бледнее, чем вчера.

— А вы сегодня наблюдательнее, чем нужно.

— Кто был тот мужчина?

Поли замерла на полуслове.

— Какой мужчина?

— Серое пальто. Серые глаза. Вы увидели его и будто на минуту исчезли.

— Вам показалось.

— Нет.

В его голосе впервые не было игры.

Поли это не понравилось.

— Господин Ветров…

— Марк.

— Господин Ветров, если вы пришли за кофе — вот он. Если за разговором — у меня работа.

— А если я пришел узнать, почему женщина, которая ничего не боится, вчера испугалась до смерти?

Поли усмехнулась.

— До смерти — плохая метафора.

— Почему?

— Потому что люди слишком легко ею пользуются.

Он несколько секунд молчал.

— Вы странная, Поли.

— Вы второй человек за утро, который решил сообщить мне это как новость.

— А первый?

— Бариста с комплексом спасателя.

Лена из-за стойки громко сказала:

— Я всё слышу!

Марк улыбнулся, но взгляд быстро вернулся к Поли.

— Вы в опасности?

— Все в опасности. Мир вообще плохо продуман.

— Я серьезно.

— А я профессионально уклоняюсь.

— Почему?

Поли наклонилась чуть ближе и понизила голос:

— Потому что некоторым людям лучше не знать ответы на свои вопросы.

Марк тоже подался вперед.

— Вы решаете это за меня?

— Да.

— Самоуверенно.

— Практично.

На секунду между ними повисло молчание. Не пустое. Натянутое, как тонкая нить.

Марк первым отвел взгляд — но не потому, что сдался. Он посмотрел за окно.

— Он снова там.

Поли похолодела.

Медленно. Очень медленно она повернула голову.

На другой стороне улицы, у книжного магазина, стоял мужчина.

Не тот, что вчера.

Этот был ниже. Шире в плечах. В темной шапке, с лицом обычного прохожего, который ждет кого-то под дождем.

Но глаза…

Серые.

Слишком неподвижные.

Поли почувствовала, как под рубашкой, над сердцем, ожила искра. Коротко. Больно. Предупреждающе.

— Вы его знаете? — спросил Марк.

— Нет.

— Вы лжете.

— А вы слишком быстро учитесь.

Мужчина на другой стороне улицы поднял руку.

На его ладони лежала белая салфетка.

Даже отсюда Поли поняла, что на ней что-то написано.

Марк встал.

— Я пойду спрошу, что ему нужно.

Поли схватила его за запястье.

Слишком резко.

Марк посмотрел на ее пальцы, потом на лицо.

— Поли?

Она отпустила его так, будто обожглась.

— Не выходите к нему.

— Почему?

На этот раз она не успела придумать ложь.

Потому что мужчина у книжного магазина улыбнулся, подошел вплотную к окну кафе.

И прижал салфетку к стеклу витрины.

На ней было всего два слова:

Шесть часов.

Глава 7. Наследник

Марк Ветров не любил, когда его останавливали.

Не потому, что был особенно вспыльчивым. Просто за двадцать семь лет жизни он почти не сталкивался с настоящими запретами. Бывали просьбы подождать, формальные отказы, вежливые «к сожалению», после которых обычно следовал звонок нужному человеку — и дверь открывалась.

Поли не открывала двери.

Поли их захлопывала.

И сейчас она стояла перед ним в зале кафе, бледная, с напряженными пальцами, будто только что удержала его не от глупости, а от края крыши.

— Не выходите к нему, — повторила она.

Марк посмотрел через окно.

Мужчина у книжного магазина все еще стоял там. Темная шапка, широкие плечи, серые глаза. Салфетка была прижата к стеклу.

Шесть часов.

— Что это значит? — спросил Марк.

Поли не ответила.

— Поли.

— Ничего.

— Вы серьезно думаете, что это сработает?

Она резко повернулась к нему:

— А вы серьезно думаете, что если подойдете к странному человеку на улице, он честно объяснит вам, зачем преследует официантку?

— Значит, он вас преследует.

— Я этого не говорила.

— Вы только что почти сломали мне запястье, чтобы я к нему не вышел.

Лена у стойки тихо кашлянула:

— Я, конечно, за романтику, но у нас посетители.

Поли опустила взгляд на руку Марка, будто только сейчас поняла, что коснулась его. На коже остался легкий след от ее пальцев.

— Простите, — сказала она сухо.

— Не за что.

— Есть за что.

— Тогда принимаю извинения. А теперь скажите, кто он.

Она посмотрела на улицу.

Мужчины уже не было.

Только стекло книжного магазина, мокрый тротуар и белый прямоугольник салфетки, прилипший к витрине. Потом осенний поток ветра забрал салфетку.

Марк выругался вполголоса.

Поли услышала.

— Очень аристократично.

— У меня богатый словарный запас. Просто сейчас я выбрал честный вариант.

Она впервые за утро почти улыбнулась. Почти — и сразу спрятала это выражение, будто улыбка была ошибкой.

— Вам лучше уйти, Марк.

Он отметил это про себя.

Не «господин Ветров».

Марк.

— А вам?

— Мне лучше работать.

— Вы лжете так уверенно, что это почти талант.

Поли взяла со стола меню, хотя оно было ему не нужно.

— У вас есть кофе. Наслаждайтесь.

— А у вас есть проблемы.

— У всех есть проблемы.

— Не такие.

Она задержала на нем взгляд. Серо-зеленые глаза были спокойными, но за этим спокойствием чувствовалась усталость — не вчерашняя, не недельная. Слишком глубокая для девушки, которой на вид едва исполнилось двадцать три.

— Вы не знаете, какие бывают проблемы, — сказала она.

Марк хотел возразить.

Очень хотел.

Но почему-то не смог.

Вместо этого он сел обратно за столик и впервые в жизни почувствовал себя не клиентом, не наследником, не человеком с фамилией, способной менять тон разговоров, а мальчишкой, которому не объяснили правил игры.

И это бесило.

***

— Ты второй день торчишь в кафе? — Даня откинулся на кожаную спинку дивана и рассмеялся. — Ветров, скажи честно, у тебя кризис? Или они там подают кофе с приворотом?

Вечером Марк сидел в закрытом лаунже на последнем этаже отеля, принадлежавшего его семье. За стеклянной стеной лежал Петербург — темный, дорогой, мокрый. Внизу ползли огни машин, Невский блестел после дождя, а город казался макетом, который можно купить целиком, если знать правильную цену.

Раньше Марку нравился этот вид.

Сегодня он раздражал.

— Кофе посредственный, — сказал он.

— Тогда точно приворот, — заключил Даня. — Она красивая?

— Да.

— О! Уже интересно.

— Не так.

— А как?

Марк покрутил стакан с виски, но пить не стал.

— Она смотрит на людей так, будто уже знает, чем они закончатся.

Даня помолчал.

— Мрачно. Мне нравится. Но ты обычно выбираешь девушек, которые смотрят на тебя так, будто ты начало их счастливой жизни.

— Вот именно.

— Тебя задело, что официантка не упала в обморок от фамилии Ветров?

Марк бросил на него взгляд.

— Осторожнее.

— Да ладно тебе. Я же любя. Просто непривычно видеть, как ты второй день подряд думаешь об одной и той же женщине, с которой даже не переспал.

— Даня.

— Всё, молчу. Почти.

Марк достал телефон и открыл фотографию, сделанную из машины напротив кафе. Размытая витрина книжного. Мокрое стекло. Никакого мужчины. Никакой салфетки.

Он увеличил снимок.

Пиксели распались.

— Ты кого ищешь? — спросил Даня уже серьезнее.

— Мужчину. Серые глаза, темная шапка. До этого был другой — в сером пальто. Оба ошивались возле «Лавра».

— Ревность? Как мило.

— Нет.

— Тогда охрана?

Марк помолчал.

— Возможно.

Даня перестал улыбаться.

— У тебя проблемы?

— У нее.

— У официантки?

— Ее зовут Поли.

— Конечно. Уже зовут.

Марк заблокировал телефон.

— Узнай про кафе. Про сотрудников. Особенно про нее. Полина… кажется, Лебедева.

Даня поднял брови.

— Ты просишь меня пробить девушку, которая тебя отшила?

— Я прошу тебя узнать, не угрожает ли ей кто-то.

— Это звучит благородно. Почти неправдоподобно.

— Даня.

— Ладно. Я попрошу Славу посмотреть. Но если окажется, что она просто не хочет идти с тобой на свидание, ты признаешь поражение?

Марк усмехнулся.

— Я не люблю поражения.

— Да, я заметил. В этом вся проблема.

Телефон Марка завибрировал.

На экране высветилось: **Отец**.

Даня увидел имя и сразу поднялся.

— О, король вызывает наследника. Я закажу еще что-нибудь, чтобы не слышать семейную драму.

Марк ответил.

— Да?

Голос Виктора Ветрова был ровным, низким, без лишних эмоций.

— Ты сегодня отменил встречу с Корнеевым.

— Перенес.

— Без согласования.

— Я взрослый человек.

— Тогда веди себя как взрослый человек, а не как скучающий мальчик с новой игрушкой.

Марк напрягся.

— О чем ты?

— О кафе на углу Невского. О девушке. О том, что мои люди видели твою машину там дважды за сутки.

Марк медленно выпрямился.

— Ты следишь за мной?

— Я слежу за репутацией семьи.

— Репутация семьи пострадает от кофе?

— Репутация семьи страдает от слабостей.

Марк посмотрел на свое отражение в темном стекле. И впервые ему не понравилось, насколько голос отца похож на холодный дождь за окном.

— Она не слабость.

— Ты знаешь ее второй день.

— Тем более странно, что ты уже о ней говоришь.

На том конце линии возникла пауза.

Короткая.

Но Марк ее услышал.

— Держись от нее подальше, — сказал Виктор.

— Почему?

— Потому что некоторые люди приносят несчастья не намеренно. Они просто устроены так.

Марк усмехнулся, но внутри что-то неприятно дрогнуло.

— Ты ее знаешь?

— Нет.

— Тогда откуда выводы?

— Из опыта.

— Твоего или чужого?

— Марк.

— Нет, правда. Что ты знаешь?

Голос отца стал жестче:

— Я знаю, что ты слишком часто путаешь интерес с правом вмешиваться. На этот раз не вмешивайся.

Связь оборвалась.

Марк еще несколько секунд держал телефон у уха.

Потом медленно опустил его.

Даня вернулся с бокалом и сразу понял, что шутить не стоит.

— Что?

Марк посмотрел на него.

— Теперь мне точно нужно узнать, кто она.

***

Через час пришло сообщение от Славы, человека, который умел находить то, что приличные люди предпочитали не искать.

Полина Лебедева. 23 года. Паспорт чистый. Аренда чистая. Работа в «Лавре» почти год. До этого — почти ничего.

Марк нахмурился.

В смысле почти?

Ответ пришел не сразу.

В смысле слишком чисто. Нет школы. Нет университета. Нет старых фото. Нет родственников. Нет нормального цифрового следа до девяти лет назад. Потом — несколько коротких аренд, пара временных работ, минимум банковской активности. Всё чисто, но слишком аккуратно. Как будто человек не жил, а отмечался.

Марк перечитал сообщение дважды.

Потом пришло еще одно.

И еще странность. Камеры у книжного напротив кафе сегодня в 10:17 дали сбой ровно на шесть минут. На последнем кадре перед сбоем видна витрина.

Следом загрузилось изображение.

Марк открыл его.

Мокрое стекло книжного магазина.

Белая салфетка.

И на ней, расплываясь в пикселях, два темных слова:

Шесть часов.

Марк почувствовал, как холод медленно поднимается по спине.

Он впервые за долгое время не знал, кому позвонить, чтобы всё исправить.

Глава 8. Люди Зевса

На следующий день Поли пришла в «Лавр» с твердым намерением никого к себе не подпускать. Это намерение продержалось до того момента, как Марк Ветров снова сел у окна.

С тех пор как Марк увидел слова «Шесть часов», Поли жила так, будто под кожей у нее тикали чужие часы. Принимала заказы. Улыбалась. Ставила чашки на блюдца. Говорила: «Приятного аппетита», «Сейчас уточню», «К сожалению, миндальное молоко закончилось». Делала всё так ровно, что Лена смотрела на нее с возрастающим ужасом.

— Ты пугающе нормальная, — сказала она, когда Поли вернулась к стойке.

— Спасибо.

— Это опять не комплимент.

— Тогда опять не спасибо.

Лена наклонилась ближе:

— Что значило «шесть часов»?

Поли застыла всего на секунду.

Достаточно, чтобы Лена заметила.

— Ты видела?

— Я не слепая. И Марк Ветров тоже не слепой. Он сейчас сидит у окна с лицом человека, который впервые понял, что мир не обязан быть логичным.

Поли невольно посмотрела в зал.

Марк действительно сидел у окна. Кофе перед ним давно остыл. Он не смотрел в телефон, не листал меню, не изображал скучающего наследника. Он смотрел на улицу.

На книжный магазин.

На то место, где стоял мужчина с серыми глазами.

Поли почувствовала раздражение — резкое, почти злое.

Не на Марка.

На себя.

Надо было выгнать его сразу. Еще вчера. Еще в тот момент, когда он впервые улыбнулся ей так, будто отказ был приглашением. Люди вроде Марка привыкли подходить ближе к тому, что их заинтересовало.

А рядом с ней любопытство становилось смертным приговором.

— Мне нужно пять минут, — сказала Поли.

— Куда?

— В подсобку.

— Поли…

— Пять минут, Лена.

Она ушла, не дожидаясь ответа.

В маленькой подсобке пахло кофе, картоном и чистящими средствами. Поли закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и медленно расстегнула верхнюю пуговицу рубашки.

Знак над сердцем светился.

Слабее, чем ночью, но заметно: тонкая золотистая искра под кожей, похожая на ожог, который не хочет становиться шрамом.

Они не просто нашли ее.

Они пробовали печать.

Поли закрыла глаза.

За семь тысяч лет она видела их много раз. Разные лица. Разные имена. В разные века они называли себя жрецами, судьями, послами, советниками, врачами, монахами, офицерами. Иногда они старели и умирали как люди. Иногда просто исчезали, оставляя после себя тело, в котором больше не было чужой воли.

Но взгляд не менялся.

Серые глаза.

Пустые, неподвижные, как небо перед ударом молнии.

Это были не люди в полном смысле. Скорее оболочки. Носители воли того, кто не любил пачкать руки землей.

Люди Зевса.

Они не могли забрать ее ночью. Не напрямую. Печать Прометея держала тело между полуночью и рассветом, прятала огонь под слоем смерти. В эти шесть часов она была беззащитна и недоступна одновременно — мертвая дверь, запертая изнутри.

Но теперь они стучали в эту дверь.

И что-то отвечало.

В дверь подсобки постучали.

Поли резко застегнула рубашку.

— Занято.

— Это я, — сказал Марк.

Она закрыла глаза.

— Тем более занято.

— Тогда я буду говорить через дверь.

— Не надо.

— Надо. Кто эти люди?

Поли открыла дверь так резко, что он отступил на шаг.

— Вы не умеете уходить?

— Умею. Просто редко вижу смысл.

— Найдите.

— Поли, я видел салфетку. Видел вашего преследователя. И видел, как вы на него отреагировали. Это не обычная история.

Она вышла в коридор и прикрыла за собой дверь.

— Это вообще не история. Это не ваше дело.

— Вы ошибаетесь.

Поли тихо рассмеялась.

— Правда? И когда оно стало вашим?

Марк посмотрел на нее серьезно.

— Когда вы схватили меня за руку так, будто я собирался шагнуть под поезд.

— Возможно, вы и собирались.

— Тогда объясните, где рельсы.

— Нет.

— Почему?

— Потому что некоторые вещи становятся опаснее, когда о них знают.

— Очень удобно.

— Очень практично.

Он сжал челюсть.

— Я проверил вас.

Поли похолодела.

— Что?

— Полина Лебедева. Двадцать три года. Работа в «Лавре». Аренда. Документы. И почти ничего до этого.

Она смотрела на него так спокойно, что у него, кажется, впервые дрогнула уверенность.

— Вы не имели права.

— Знаю.

— Тогда зачем?

— Потому что вы в опасности.

— Нет, Марк. Теперь в опасности вы.

Он замолчал.

Вот наконец.

Хоть одна фраза дошла.

Поли шагнула ближе и понизила голос:

— Послушайте меня внимательно. Что бы вы ни видели, что бы ни нашли, остановитесь. Не ищите меня. Не ищите их. Не пытайтесь быть героем. Это не та игра, где ваша фамилия что-то значит.

— А если я не остановлюсь?

— Тогда они используют вас.

— Кто они?

Поли хотела солгать.

Сказать: бандиты, сумасшедшие, секта, бывший. Любое человеческое слово. Но в зале звякнул колокольчик, и ее тело само повернулось к двери.

В кафе вошла женщина.

Лет сорока. Светлое пальто, мокрый платок, аккуратная сумка. Совершенно обычная посетительница — из тех, кто заказывает чай, долго выбирает десерт и извиняется перед официантом за каждую просьбу.

Но Поли увидела глаза.

Небесно-серые.

Неподвижные.

Женщина прошла к свободному столику у стены и села. Положила сумку рядом. Сняла перчатки. Всё спокойно, медленно, изящно.

Марк проследил за взглядом Поли.

— Она тоже?

— Молчите.

— Поли…

— Молчите.

Она взяла блокнот и подошла к столику.

— Добрый день. Что будете заказывать?

Женщина улыбнулась.

— Черный чай. Без сахара.

Голос был мягкий, приятный. Чужой.

— Что-нибудь еще?

— Нет. Я ненадолго.

Поли записала заказ, хотя рука не слушалась.

Женщина наклонила голову.

— Ты хорошо выглядишь для вещи, которую семь тысяч лет роняют и поднимают снова.

Поли не изменилась в лице.

— У нас не разговаривают с персоналом в таком тоне.

— У вас многое изменилось с тех пор, как ты жила у моря.

Поли медленно закрыла блокнот.

— Чай будет через минуту.

— Не торопись. До полуночи еще далеко.

Поли ушла к стойке.

Лена тут же перехватила ее взгляд.

— Что с тобой?

— Не подходи к ней.

— К кому?

— К женщине у стены.

Лена хотела обернуться.

Поли схватила ее за локоть.

— Не смотри.

Лена побледнела.

— Поли, что происходит?

— Ничего, если ты будешь слушать меня.

Марк подошел ближе.

— Я сам отнесу чай.

— Нет, — сказала Поли и Лена одновременно.

Поли посмотрела на него.

— Вы вообще не понимаете слово «нельзя»?

— Понимаю. Просто у вас оно звучит как «пожалуйста, вмешайся».

— Тогда у вас проблемы со слухом.

Она взяла чашку и блюдце. Пока наливала чай, заметила: на белом фарфоре, у самого края, проступила тонкая темная линия.

Ломаная.

Молния.

Поли едва удержала чашку.

Это была не просто угроза.

Метка.

Они ставили знак не на ней — на месте. На кафе. На людях вокруг. Проверяли, как далеко может растянуться печать Прометея, если рядом с ней находятся те, к кому она успела привязаться.

Лена.

Марина Андреевна.

Марк.

Поли поняла это с такой ясностью, что на секунду стало нечем дышать.

Бежать хотелось немедленно.

Но побег требовал подготовки. Документы. Деньги. Маршрут. Чистый выход из города. Нельзя просто исчезнуть посреди дня, когда за тобой смотрят глаза Зевса.

Она поставила чашку перед женщиной.

— Ваш чай.

Женщина посмотрела на молнию на фарфоре и улыбнулась.

— Видишь? Печать помнит, где ты теплеешь.

Поли наклонилась ближе.

— Передай своему хозяину: я не отдам ему то, что отец спрятал.

— О, Полинея, — тихо сказала женщина. — Мы пришли не забрать.

Поли почувствовала, как сердце ударило глухо.

— А зачем?

Женщина подняла чашку.

На блюдце под ней остался черный след молнии.

— Проверить, кто рядом с тобой уже достаточно важен, чтобы стать ключом.

Поли обернулась.

Марк стоял у стойки и смотрел прямо на них.

Женщина тихо рассмеялась:

— Кажется, первый ключ сам идет в замок.

Поли поняла не всё, но достаточно: печать держалась не только на смерти. Она держалась на одиночестве. На отсутствии нитей, за которые можно дернуть. Раньше она не смела подпускать никого к себе и, как оказалось, не зря.

Глава 9. Непрошеный рыцарь

Женщина в светлом пальто ушла, не допив чай.

Просто поднялась, надела перчатки, оставила на столе пару купюр и вышла под дождь так спокойно, будто не произнесла только что слова, от которых у Поли до сих пор горела кожа над сердцем.

Первый ключ сам идет в замок.

Поли не смотрела на Марка до самого закрытия.

Не потому, что не чувствовала его взгляда. Как раз наоборот — чувствовала постоянно. Между заказами, у стойки, у кассы, когда Марина Андреевна считала выручку, когда Лена мыла кофемашину и демонстративно молчала, что для нее было почти подвигом.

Марк не ушел.

Сначала Поли решила, что он просто упрямится. Потом поняла: нет. Он ждет.

И это было хуже.

В десять вечера «Лавр» закрылся. Последние посетители вышли, колокольчик над дверью звякнул в последний раз, Марина Андреевна повернула табличку на «Закрыто».

— Поли, ты сегодня домой одна не пойдешь, — сказала Лена, снимая фартук.

— Пойду.

— Это был не вопрос.

— Тогда это был плохой приказ.

Лена скрестила руки на груди.

— Ты видела себя со стороны? Ты весь день как натянутая струна. А после той женщины вообще… — Она понизила голос: — Кто она?

— Никто.

— Удобное слово. Ты им всех называешь?

Поли взяла плащ со служебного крючка.

— Только тех, кто опасен.

Лена замолчала.

Марина Андреевна, уже в пальто, тяжело вздохнула:

— Я не знаю, что у тебя происходит, девочка, и, наверное, знать не хочу. Но если тебе нужна помощь…

— Не нужна.

— Ты даже не дала мне договорить.

Поли посмотрела на нее мягче.

— Потому что если дадите, я могу поверить.

Марина Андреевна нахмурилась, явно не поняв до конца, но почувствовав главное.

— Упрямая ты.

— Мне часто говорили.

— Значит, умные люди были.

Поли почти улыбнулась.

Почти.

У служебного выхода ее ждал Марк.

Без зонта. В дорогом темном пальто, на плечах — мелкие капли дождя. Рядом у тротуара стояла черная машина с водителем, но сам Марк не спешил в нее садиться.

Поли остановилась.

— Нет.

Он поднял брови.

— Я еще ничего не сказал.

— У вас это на лице написано.

— Что именно?

— «Я сейчас предложу помощь, потому что не понимаю, что происходит, но уже решил, что должен вмешаться».

Марк чуть усмехнулся.

— Неплохо. Только я бы сформулировал элегантнее.

— Смысл остался бы тем же.

— Я отвезу вас домой.

— Нет.

— Поли.

— Марк.

Он выдержал паузу.

— На улице человек, который угрожал вам. Или не человек. Я уже не уверен. Вы правда думаете, что я позволю вам уйти одной?

— Позволите? — она тихо повторила слово. — Какое щедрое начало.

Он сразу понял ошибку.

— Я не это имел в виду.

— Но сказали именно это.

— Хорошо. Прошу. Позвольте мне отвезти вас.

— Нет.

— Почему?

— Потому что, если вы будете рядом, станет хуже.

— Для кого?

Поли посмотрела ему прямо в глаза.

— Для вас.

Впервые он не нашел ответа сразу.

Дождь шуршал по крышам машин. Где-то на Невском гудел автобус. Из кафе вышла Лена, увидела их и благоразумно задержалась в дверях.

— Вы не понимаете, — сказал Марк наконец. — Я не привык стоять в стороне, когда…

— Когда красивая официантка становится интересной загадкой?

Его лицо изменилось.

— Это нечестно.

— Зато полезно.

— Я не играю.

— А я не прошу вас спасать меня.

— Может, зря.

Поли рассмеялась коротко и без радости.

— Вы даже не знаете, от чего.

— Так скажите.

Она молчала.

Марк шагнул ближе.

— Я видел женщину в кафе. Видел надпись. Видел, как камера дала сбой. Видел, как вы боитесь. И если вы думаете, что после этого я просто вернусь к ужинам, встречам и скучным людям, вы ошибаетесь.

Поли медленно застегнула плащ.

— Тогда вы глупее, чем кажетесь.

— Возможно.

— И упрямее.

— Это точно.

— Именно поэтому вам нужно забыть меня.

Она развернулась и пошла прочь.

Не к машине. Не к метро. Во двор, через узкую арку между старым домом и аптекой.

Марк выругался и пошел следом.

— Поли!

— Не идите за мной.

— Вы серьезно думаете, что это сработает?

— Надеялась на чудо.

— В вашем мире они, кажется, случаются чаще, чем в моем.

Она резко обернулась:

— В моем мире чудеса обычно убивают.

Он остановился.

На секунду между ними повисло что-то почти честное.

Потом из темноты двора донесся звук шагов.

Медленных.

Чужих.

Поли побледнела.

Марк заметил.

— За мной, — сказала она тихо.

— Что?

— Молча.

Теперь уже он подчинился.

Они прошли через двор-колодец, свернули в проход между мусорными баками и кирпичной стеной. Дождь сюда почти не попадал, но камни под ногами были мокрыми. Где-то наверху хлопнуло окно.

Шаги за спиной не ускорялись.

И от этого становилось страшнее.

— Поли, — прошептал Марк, — кто это?

— Не человек, с которым стоит знакомиться.

— Прекрасно. Очень конкретно.

Из-за угла вышел мужчина.

Не тот, что был у книжного. И не женщина из кафе. Этот выглядел лет на тридцать: короткие светлые волосы, серое пальто, пустые руки. Обычное лицо, которое можно забыть через минуту.

Только глаза были мёртвыми.

Серыми и мертвыми.

— Полинея, — сказал он.

Марк медленно повернул голову к Поли.

— Что он сказал?

— Мое старое имя, — ответила она, не глядя на него. — И последнее предупреждение для вас: уходите.

Мужчина улыбнулся.

— Не прогоняй его. Он уже отмечен вниманием.

— Он не имеет к этому отношения.

— Теперь имеет. Ты посмотрела на него иначе.

Поли сжала кулаки.

— Не трогай его.

Марк, к его чести или глупости, шагнул вперед.

— Послушай, приятель…

— Марк, нет!

Мужчина оказался рядом с ним раньше, чем фраза закончилась.

Не подошел.

Не прыгнул.

Просто сместился — слишком быстро для человеческого тела. Воздух дернулся, и Марк ударился спиной о стену. Не сильно, но достаточно, чтобы выбить дыхание.

Поли бросилась вперед.

— Я сказала — не трогай!

Посланник повернул к ней лицо.

— Тогда покажи, сколько огня осталось под печатью.

Он снова двинулся к Марку.

Поли не думала.

Это всегда было опаснее всего.

Она протянула руку, и воздух между ними вспыхнул без пламени. Не ярко. Не так, чтобы осветить двор. Просто пространство исказилось, будто от жара над раскаленным камнем.

Посланник остановился.

На его щеке появилась черная линия ожога.

Он медленно коснулся ее пальцами.

И улыбнулся шире.

— Значит, еще горит.

Марк смотрел на Поли.

На ее руку.

На воздух, который дрожал золотистым маревом.

— Что… — выдохнул он. — Что это было?

Поли опустила руку.

Слишком поздно.

Посланник отступил на шаг.

— До полуночи, Полинея. Сегодня мы только считали ключи.

— Уходи, — сказала она.

Он сделал шаг назад — в темный проход, где не было ни двери, ни поворота, ни места, куда можно было уйти. И исчез. Не растворился. Не вспыхнул. Просто был — и не стало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.